

УДК 930

Дотюркское население Горного Алтая: самодийский субстрат**Шерстова Людмила Ивановна**

доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Томского государственного университета. Российская Федерация 634034, г. Томск, пр. Ленина, 30. E-mail: sherstova 58@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнической идентификации дотюркского населения Горного Алтая. На основе изучения этнонимов делается вывод о самодийской принадлежности части этнических общностей горно-таежной зоны северного Алтая. Подчеркивается их связь с самодийским населением таежной зоны Западной Сибири.

Ключевые слова: Горный Алтай; этнонимы; самодийцы; тюркизация; северные алтайцы.

Формирование любого современного народа является результатом действия разнонаправленных этнических процессов, взаимопроникновением культурных элементов разных по происхождению этнических общностей, появлением новых специфических этнокультурных комплексов. Поэтому этнографическая карта постоянно трансформируется, а проблема изучения этногенеза любого народа является одной из актуальных тем современной этнологии.

Во второй половине XIX в. в целях научной классификации народов Саяно-Алтайского нагорья В.Радловым была выделена общность «татар Северного Алтая», в состав которой вошли кумандинцы, лебединские татары (челканцы), черневые татары (тубалары) и шорцы (Radlov 1989, P.92-93). С этим согласился В.Вербицкий, определив данную совокупность народов как «северные алтайцы» (Verbickiy 1893, P.22). В конце XX в. кумандинцы, тубалары, челканцы, шорцы были включены в список «коренных малочисленных народов Севера», и таким образом однозначно признаны самостоятельными этносами с особым статусом. Статус этот обуславливался не только малочисленностью, но и проблемой сохранения традиционной материальной и духовной культуры, уникальность которой обуславливается не одним лишь обитанием в горно-таежной зоне, переходящей в степь, но и сложностью их этнической истории.

Этнокультурный облик Северного Алтая сформировался в результате тюркизации, охватившей угро-самодийское, кето- и ираноязычное население Южной Сибири с I тыс. н.э. (Savinov 1984, P.142). Дальнейшее формирование современных тюркоязычных народов этого региона Алтая сопровождалось включением в их состав разноэтничных компонентов, обусловленное сложными этнополитическими процессами в Центральной Азии и прилегающих территорий, вплоть до середины XVIII в. – времени вхождения Горного Алтая в состав России (Sherstova 2005, P.89-90).

Одним из плодотворных направлений изучения истории сибирских народов является компонентный метод, предполагающий выявление иноэтничных компонентов или субстратов в составе современных сибирских аборигенов. С этих позиций Г.И.Пелих успешно рассматривает этногенез и этническую историю селькупов (Pelih 1972), а ряд ее выводов прямо соотносится с темой данной статьи.

Применительно к этносам Южной Сибири такой метод отличается тремя существенными обстоятельствами. Во-первых, в той или иной степени северные алтайцы и шорцы помнят свой родовой состав, зафиксированный к тому же в разнообразных русских источниках XIX – начала XX вв. Во-вторых, названия родов (сеоков) южносибирских народов, в том числе и народов Горного

Алтая, связаны с древними или средневековыми этнонимами. В-третьих, особенностями формирования политических институтов и государственности у народов Центральной Азии, наследниками которых является тюркоязычное население Горного Алтая, позволивших сохранять устойчивую этнонимистику.

В советской историографии проблема генезиса государственности у кочевых народов решалась либо в рамках универсальной концепции феодализма и, следовательно, собственность на землю была главным условием этого процесса, либо выдвигался тезис собственности на скот. Одним из первых ученых, кто обратил внимание на значимость человеческих коллективов, как фактора государствообразования в подвижных обществах Центральной Азии, был Е.М. Залкинд. В 1970-х гг. он писал: «Поскольку границы кочевий не были четко определены, то пожалование уделов (при Чингисхане – Л.Ш.) не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у кочевых же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями» (Zalkind 2012, P.174).

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплыванию» архаических социальных институтов. Происходило оживление значимости, казалось бы, уже ставших неактуальными кровнородственных отношений – этой универсальной форме организации социума в условиях слома более развитых социально-политических структур.

В результате слома государственности наступала внешняя архаизация общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов степной Евразии. Но накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда, вследствие разных причин, та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «возвышалась» (Savinov 1984, P.118). Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего, и давала ему свое этническое название. В любом случае, народы, находившиеся в сфере влияния уже существовавших политических образований, произвольно накапливали и сохраняли элементы государственности. И этот политический опыт, закрепленный в их социально-фискальных институтах, названия которых часто совпадало с этнонимами, позволял в благоприятных условиях его реанимировать, продолжая собственное моделирование отдельных элементов государственности даже после вхождения в состав новых, как правило, иноэтнических государств. Сохранению этнической целостности, отраженной в функционировании собственных этнонимов, но теперь и как названий социально-фискальных единиц в рамках государств Центральной Азии и их исторических преемников, способствовал принцип «невмешательства» во внутреннюю жизнь зависимого населения со стороны государства при полной политической и экономической подчиненности.

Традиция «невмешательства» начала складываться еще в древнем Китае в период Чжоу и, особенно, Хань, когда хуася, а затем и хань, окруженные варварами, вынуждены были налаживать с ними мирные отношения. Заинтересованность в получении престижных товаров заставляла «кочевую» элиту Центральной Азии – этнических предков современных тюрко- и монголоязычных народов – приносить дань, как знак зависимости китайскому императору, но полученные подарки по своей стоимости превосходили привезенную дань. Т.е. это был архаичный дарообмен, при котором отдарок ценился выше подарка. Совершив соответствующие обряды при ханьском дворе, варвары возвращались в себе, продолжая жить по своим обычаям и

традициям. Однако в результате таких контактов, длившихся столетиями, они оказывались втянутыми в экономические, политические, культурные отношения китайского социума, медленно подвергаясь аккультурации, накапливая опыт жизни в государстве, который позже пригодился при создании уже собственных империй – от Гуннского союза до империи Чингис-хана (Sherstova 2014, P.186-189).

В Монгольской империи отражением принципа «невмешательства» было существование такого специфического института, как «унаган богол», которым обозначалась завоеванная (присоединенная) иноэтничная общность. (Vladimircov 1934, P.81). Это приводило к накоплению зависимым населением опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных семей и т.д.) в ситуации гибели последних легко позволяла первым интегрироваться в новые политические образования либо возглавлять их.

При этом правители Степи прекрасно понимали значение этнонима как фактора, символа единства этнической общности, как условие возможного объединения в благоприятных условиях всех ее членов и значит, политического усиления данной общности. Как рассказывается в «Сокровенном сказании», после очередного восстания мэргэдов (меркитов) Чингис-хан «повелел тогда своим... мужам иных из мэргэдов погубить, остальных поделить между собой ... И молвил тогда Чингис-хан: «Позволили мэргэдам мы жить вместе, на роды их, на семьи их не делили, они же предательски восстали». И сказав так, Чингис-хан поделил средь мужей своих всех недругов-мэргэдов до единого и разослал их в разные концы улуса своего» (Sokrovennoe skazanie mongolov 2009, P.159). В другом случае, желая наградить своего подданного, Чингисхан спросил о его желании. И Унгур сказал: «Коли позволено мне выбрать пожалованье хана, хотел бы я всех баягулов, сродников своих, которые теперь разбросаны повсюду собрать и ими править». И повелел Чингис-хан: «Что ж, будь по-твоему, Унгур. Ты баягулов собери и тысяцким над ними будь» (Sokrovennoe skazanie mongolov 2009, P.177).

В подвижных обществах размеры территории еще не определяли значимость и богатство их правителей. Военная сила «кочевых империй» народов Центральной Азии определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание» (Fedorov-Davydov 1973, P.118). В таких аморфных, полиэтнических государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этноса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Социальная организация средневековых тюркских и монгольских государств Центральной Азии и Южной Сибири также базировалась на улусном принципе, *sine qua* поп которого являлась определенная административная, фискальная, а подчас и этническая целостность населения, прежде всего зависимого, внутри государственных отношений господства-подчинения. Вмешательство во внутреннюю структуру зависимого населения (кыштымов, албату) со стороны господствующей социальной группы или этноса было минимальным, что позволяло народам Южной Сибири и Центральной Азии сохранять относительно

архаичную организацию и при этом оставаться составными частями «кочевых империй».

Таким образом, древнекитайская модель взаимоотношений с варварами и покоренными народами была успешно воспринята кочевыми этносами монгольских степей и встроена в собственную государственность. Подобный механизм вовлечения дотюркского населения Саяно-Алтая в состав Древнетюркских каганатов, государства Енисейских киргизов, империи Чингис-хана и более поздних монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарского ханства, также сопровождался «невмешательством» во внутреннюю социальную структуру подчиненных этнических общностей.

Благодаря этому тюркизация автохтонного населения Саяно-Алтайского нагорья и прилегающих степных пространств от Урала до Байкала, начавшаяся со второй половины 1 тыс. до н.э., не сопровождалась обязательной сменой прежнего этнонима. Результатом стала зафиксированная этнографами XIX-XX вв. ситуация, когда в реальности бытовали названия родов-сеоков, объяснить которые тюркоязычные информаторы уже не могли. Между тем, именно тщательное изучение этнонимии (родовых названий) позволяет достаточно успешно реконструировать этнические процессы в сибирской периферии Центральной Азии.

Благодаря средневековым китайским хроникам выявляется пестрая этническая и культурная мозаика Саяно-Алтайского нагорья. Среди телесских общностей VI – середины VII в. выделяются хойхо (уйгуры), сеяньто (м.б. саянцы, сойоты), долангэ (теленгеты), байегу, дубо (тубо), «тунло», «тонгра», гулигань (курыканы) и пр. И если у части из них – уйгуров, теленгетов – хозяйственно-культурный тип был близок древнетюркскому и базировался на скотоводстве, то дубо практиковали исключительно присваивающее хозяйство, а байегу, наряду со скотоводством, занимались горно-таежной охотой на диких оленей (Savinov 1984, P.51). Относительно культуры «тонгра» никаких свидетельств не сохранилось.

Хозяйственные различия разных групп населения выступают своеобразным показателем его этнической неоднородности. В отечественной этнографии существует обоснованное мнение, увязывающее средневековых дубо с южными самодийцами (Потапов 1969, P.182). Что же касается байегу, то известный из хроник их образ жизни близок угро-самодийскому, таежному культурному миру. Однако, сколько-нибудь обоснованных мнений о происхождении этого этнонима и связи его с более поздними этносами в литературе нет.

Между тем, самая южная группа нарымских селькупов, расселявшаяся в XVII в. от низовьев Чаи до нижнего Причулымья, именовала себя «пайгула, байгула» – «кедровые» или «беличы» люди (Pelih 1981, P.11). Русские документы и карты XIX в. помещали на нижнем Чулыме, правом притоке Оби, Больше-Байгульскую Обскую, Больше-Байгульскую Чулымскую и Мало-Байгульскую Чулымскую инородные управы (волости). Показательно, что первая, расположенная ближе к устью Чулыма и Оби, состояла из селькупов, а две другие на среднем Чулыме – из чулымских тюрков.

Слово «гула» по-селькупски значит «люди, народ». Таким образом, три волости, несмотря на языковое различие, сохранили общий дотюркский этноним. Расположение тюркоязычных Байгульских волостей в среднем течении Чулыма, в непосредственной близости от тюркоязычных кызыльцев (этнографическая группа современных хакасов) указывает на незавершенность тюркизации населения бассейна Чулыма. При сохранении общего прежнего селькупское (самодийского) названия всех трех управ (Байгульская), население двух из них

уже восприняли тюркскую речь, и лишь одна, непосредственно примыкавшая к основному селькупскому массиву, сохраняла прежний, самодийский язык.

На территории Северного Алтая этноним «байгула» сохранился в форме «Байгол». Так называется приток р. Лебеди в восточной части бассейна р. Бии, на этнической территории челканцев. Известно, что топонимы достаточно часто в своей основе сохраняют названия древних этнических общностей, и северо-алтайские не являются исключением. Поэтому уместно предположить, что и название реки Байгол восходит к раннему, дотюркскому этнониму. Аргументом в пользу данной точки зрения является предание, зафиксированное Г.И.Пелих у селькупов-пайгула, о приходе их предков в Нарым с Алтая (Peliĥ 1981, Р.46). Какая-то оставшаяся их часть на Северном Алтае позже полностью тюркизированная, оставила свой след только в названии местной реки. Тогда получается, что носителями этнонима «байгула (байгол)» была достаточно обширная дотюркская общность. При этом она или ее фрагменты в средневековые расселялись значительно юго-западнее бассейна Чулыма, чем это было в XIX-XX вв.

Возможно, что осколком прежнего массива байегу в XIX в. являлись и тувинцы байгара, входившие в Дзиндзиликский хошун (Radlov 1928, Р.171). Какая-то их часть, продвинувшаяся на Северный Алтай, оставила здесь свои топонимы: тайга Бай-Кара (Байгара, Байгора) в системе реки Кара-Кокши (Molchanova 1979, Р.145) и уже упомянутый Байгол. Важно, подчеркнуть, что нетюркский, самодийский этноним байегу – байгула – байгара имел широкое распространение в Саяно-Алтайском нагорье и сопредельных территориях. Важно и то, что китаизированной формой самодийского (древнеселькупского) этнонима «байгула» вполне могло оказаться «байегу», который уже в тюркизированном виде вошел в этнонимы современных чулымских татар и тувинцев, в форме гидронима сохранился на Алтае.

Не менее интересной представляется роль рода «тон» (тоон) в процессе этногенеза кумандинцев и тубаларов. Известно, что северные шорцы называли всех кумандинцев «тон-кижи». Л.П.Потапов объяснял этимологию этого этнонима как отражение былых хозяйственных особенностей его носителей: «олень, оленевод». Он полагал, что далекие предки этого сеока, как следует из фольклора, занимались оленеводством и доением оленей, усматривая в этом участие в их этногенезе «южносамодийских племен» (Potapov 1969, Р.61-62).

Соглашаясь с последним выводом, следует заметить, что этноним «тон/тоон» через форму «тонг» с носовым дифтонгом в окончании соотносится с названием двух Тогульских волостей русских документов начала XVII в. Эти волости вплоть до их ликвидации в начале XX в., располагались в бассейне р. Чумыш, правом притоке р.Обь. Их название до сих пор сохранилось на географической карте в виде с.Тогул и одноименной реки – притоке р. Чумыш. В настоящее время на этой территории проживает русское население, а остатки предшествующего сохранились в форме родов «тон» в составе кумандинцев и тубаларов.

Но, исходя из зафиксированных русскими документами названия Тогульских волостей, можно предположить и существование в древности одноименной этнической общности – «тогула, тонгула». Тюркское слово «тонг, тонгул» вполне соответствует селькупскому этнониму «тонгула», где «гула» – «люди, народ». Крупным подразделением средневековых селькупов, соседями уже упоминавшихся «пайгула» («байгула»), согласно материалам Г.И.Пелих, являлись «тегула» («тугула, тогула») – «заячий народ». Одним из названий южноселькупских групп, расселенных в бассейнах нижних Чаи, Томи и Чулыма и

в старину практиковавших оленеводство и доение оленей было «томель-гула, том-гула» – «южный народ» (Pelih 1981, P.62). Важно, что доение оленей неизвестно северным самодийцам (ненцам, нганасанам), но широко практиковалось тувинцами-тоджинцами, которые являются тюркизированными потомками южных самодийцев Саянских гор.

Возможно, что в древности этот вид деятельности широко был распространен у самодийского населения Саяно-Алтайского нагорья и связанных с ними южных групп нарымских селькупов. Поэтому не исключено, что наряду с самодийским (селькупским) этнонимом – «тон» – у части кумандинцев и тубаларов могли сохраниться и воспоминания о прежних оленеводческих навыках. С этим, совсем не тюркским наследием, люди «тонгула» сделались одним из компонентов северо-алтайских этносов, заняв свое место в экзогамной организации, сопровождавшееся запретом браков между родами тон и тастар. Возможно, что первые упоминания о «тонгула» имеются в китайских хрониках, относящихся к древнетюркской эпохе, где этот народ фигурирует среди обитателей Саяно-Алтая под названием «тунло», «тонгра».

Важным аргументом в пользу участия самодийского компонента в формировании североалтайских этносов является присутствие в родовой структуре кумандинцев и тубаларов рода чооты, чооду (йоты). Из материалов Г. Миллера следует, что жители «Юской или лучше – Ютской волости... называют себя ютами» (Цит. по: Potapov 1969, P.133). Этнонимы «юты, иуты, йоты, чооты», применительно к себе использовали тубалары Южской волости, считавшие себя автохтонами левобережья Бии (Shvecov 1900, P.104).

Кумандинцы появление у себя сеока чооты объясняли преданием о приходе на Бию с севера, из Ашкыштымской волости, двух братьев, положивших начало этому роду у них и у кузенов (часть тубаларов). Л.П. Потапов, считавший Ашкыштымскую волость телеутской, относил к телеутам и род чооты/чооду (Potapov 1969, P.6). Однако этот этноним в форме йоты/чооду широко распространен в Южной Сибири и встречается у карагасов (тофаларов), койбалов, тувинцев (Katanov 1893, P.113) и изначально также связан с дотюркским, самодийским населением Саяно-Алтайского нагорья.

Возможно, что о какой-то древней миграции общности чооты/чооду «из степи» рассказывается в предании, записанном Н.Дыренковой в 1920-е гг. в низовьях р.Мрассу (Шория): «народ Шот воевать в тайгу приходил. С людьми родов Кый, Кызай, ... с людьми других родов воевали. Много народу убили. Народ, убежав в тайгу, в камнях прятался. Долго воевали, и наступил день, когда все стрелы и луки поломались. Народ Шот снова и снова приходит, народ убивал, дань собирал – пушнину и железо. Наконец наступила последняя битва ... Девять дней воевали. Близлежащие реки кровью потекли. Люди Шот, испугавшись, из тайги в степь побежали. Так из тайги они ушли» (Dyrenkova 1940, P.309).

Учитывая возможность взаимозаменяемости «ч» и «ш» в тюркских языках, можно предположить существование одного народа, название которого произносилось в зависимости от особенностей тюркских языков шорцев, кумандинцев и тубаларов. Сведения о его пришествии к кумандинцам, тубаларам и шорцам «из степи», свидетельствуют о мощной экспансии самодийской (возможно, праселькупской) по происхождению общности чооду (йоты, шот), направленной из лесостепного Верхнего Приобья в восточные отроги Салаира и на Северный Алтай.

Но лесостепная зона Приобья – это территория Аш(з)кыштымских волостей, известных в русских источниках с начала XVII. Следует иметь в виду, что Ашкыштымская (Аз-кыштымская) волость, вопреки мнению Л.П. Потапова, по

происхождению является дотелеутской и через свое название связана со средневековыми азами (ас, ач), некоторые из которых были данниками енисейских кыргызов периода «Великодержавия». Этноним «аз» был распространен не только в Южной Сибири, но встречался и в Средней Азии (например, азилик у тяньшанских киргизов), и также имеет дотюркское происхождение. Возможно сопоставление древнего этнонима «ас, аз» (особенно учитывая расселение этих данников енисейских кыргызов от них к северо-западу) с самоназванием хантов «ас-ях» – «речной, обской народ», что вновь обнаруживает связь его с угро-самодийским миром. А возможно, этот этноним имеет иранские («скифские») корни.

Возможная культурная близость угорского народа «аз-ас» с самодийской общностью «чооду» (йоты) способствовала установлению между ними прочных отношений и включению последних в состав документально зафиксированной – «Ашкыштымской» – русской волости начала XVII в.

Приведенный материал свидетельствует о достаточно раннем распространении этнонима «чооты/чооду» среди южносибирских тюрков. Сначала в виде обширной самодийской общности, проживавшей на территории степного Приобья в непосредственной близости от самодийского таежного мира, а затем в виде тюркоязычных родов в составе кумандинцев и тубаларов. В связи с этим по-прежнему важным представляется тезис, высказанный еще В. Радловым о южно-самодийском происхождении этого наименования, подтвержденный исследованиями В.И.Васильева, который

увязывал этноним «шор/чер» с палеосамодийским этнонимом «чера», сохранившемся у нганасан и связанным с саянской миграционной волной (Vasil'ev 1987, P.43-46).

Древнесамодийская по происхождению общность «йоты/чооты» легко инкорпорировалась в состав формирующихся тюркоязычных этносов, занимая свое место в их экзогамной организации. Так, по данным Л.П. Потапова, род чооты у кумандинцев считался кровнородственным по отношению к роду тастар, и браки между ними были запрещены. Сеок тастар обнаруживается также и у тубаларского подразделения комдошей, обитавшего в верховьях Бии. Однако, по русским документам начала XVII в., Тастарская волость располагалась гораздо северо-восточнее Северного Алтая – в бассейне р. Кии, т. е. в Верхнем Причулымье, в зоне долговременных селькупско-тюркских контактов. Запреты на браки между членами родов чооты и тастар указывают на возможное их этническое родство на первичной территории обитания в степном и лесостепном Обь-Енисейском междуречье.

Можно было бы объяснить появление «чооты» на Северном Алтае как результат миграции саянских групп в Верхнее Приобье в конце XVI в. (Шерстова 2005, P.44). Но, во-первых, в источниках отсутствуют упоминания этого этнонима среди «тувинских выходцев» – орчаков, соенов, керзалов. Во-вторых, наличие у азкыштымов, кумандинцев, тубаларов (т. е. аборигенов Северного Алтая) сеока «чооты» при отсутствии у них одноименной ясачной волости объясняется очень ранним его появлением соответствующего населения в данном регионе и полной инкорпорацией этой группы в аборигенный социум в виде экзогамного рода-сеока задолго до прихода русских. Включение же рода тастар в состав северных алтайцев произошло уже в русское время.

Таким образом, не вызывает сомнений наличие в этногенезе кумандинцев и тубаларов явного самодийского субстрата (компонента), внешним выражением которого являются сеоки чооты, тастар, тон (тонг). Более того, свой этноним тубалары – «туба-кижи» – получили от южных алтайцев, и он также увязывается с древним самодийским этнонимом «дубо». также известным из китайских хроник. Показательно, что предки родов тон, тастар, чооты, близкие в этногенетическом плане, в древности и средневековье входили в обширную дотюркскую макрообщность Обь-Енисейской этнокультурной провинции, по меридиану соединявшую таежную зону и Саяно-Алтай. Эта общность в

генетическом плане, скорее всего, была самодийской, близкой нарымским селькупам.

Развернувшиеся с гуннского времени и, особенно, в древнетюркскую эпоху процессы тюркизации населения Горного Алтая существенно изменили, прежде всего, лингвистическую карту этой огромной территории. Но особенности включения дотюркского населения в состав тюркских и монгольских государств, базировавшееся на принципе «невмешательства» и сохранения традиционной этнонимии, позволили при переходе на тюркский язык, сохранять ими не только свои культурные особенности, но и этнонимы. Дошедшие в виде родовых названий этнонимы современных тюркоязычных народов позволяют не только реконструировать этническую ситуацию до начала тюркизации, но и представить направленность этнических процессов в Центральной Азии и Южной Сибири вплоть до сложения современных народов.

Список литературы

1. Васильев В.И. Влияние миграционных процессов на этнические судьбы западносибирской лесостепи в конце I тыс. до н.э. – начале II тыс. н.э. // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 43-46.
2. Вербицкий В. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 221 с.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. – М.-Л.: АН СССР, 1934. – 233 с.
4. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 477 с.
5. Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 242 с.
6. Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893. – 114 с.
7. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алтайск. кн. изд-во, 1979. – 398 с.
8. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.
9. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 424 с.
10. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.
11. Радлов В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. – Иркутск. 1928. – 26 с.
12. Радлов В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
13. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 176 с.
14. Сокровенное сказание монголов // Чингисидана. Свод свидетельств современников. – М.: ЭКСМО, 2009. – С. 17-256.
15. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 178 с.
16. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.
17. Шерстова Л. И. Россия и Китай: подходы к переосмыслению полиэтничности // Востокведные исследования на Алтае. – Вып. VIII. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 185-189.
18. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Т. 1. – Вып. 1. – Барнаул. 1900. – 245 с.

Reference

- Dyrenkova 1940 - Dyrenkova, NP 1940, *SHorskij fol'klor*, AN SSSR, Moscow-Leningrad, 477 p. (*in Rus*).
 Fedorov-Davydov 1973 - Fedorov-Davydov, GA 1973, *Obshchestvennyj stroj Zolotoj Ordj*, Izd-vo MGU, Moscow, 178 p. (*in Rus*).
 Katanov 1893 - Katanov, NF 1893, *Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana*, Saint-Petersburg, 114 p. (*in Rus*).
 Molchanova 1979 - Molchanova, OT 1979, *Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaia*, Altajsk. kn. izd-vo, Gorno-Altajsk, 1979, 398 p. (*in Rus*).
 Potapov 1969 - Potapov, LP 1969, *Etnicheskij sostav i proishozhdenie altajcev*, Nauka, Leningrad, 196 p. (*in Rus*).
 Pelih 1972 - Pelih, GI 1972, *Proishozhdenie sel'kupov*, Izd-vo TGU, Tomsk, 424 p. (*in Rus*).
 Pelih 1981 - Pelih, GI 1981, *Sel'kupy XVII veka (oчерki social'no-ekonomicheskoy istorii)*, Nauka, Novosibirsk, 176 p. (*in Rus*).
 Radlov 1928 - Radlov, V 1928, *Etnograficheskij obzor tureckih plemen Sibiri i Mongolii*, Irkutsk, 26 p. (*in Rus*).
 Radlov 1989 - Radlov, V 1989, *Iz Sibiri*, Nauka, Moscow, 749 p. (*in Rus*).
 Savinov 1984 - Savinov, DG 1984, *Narody YUzhnoj Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu*, Izd-vo LGU, Leningrad, 176 p. (*in Rus*).

- Sokrovennoe skazanie mongolov 2009 - Sokrovennoe skazanie mongolov, *CHingisiana. Svod svidetel'stv sovremennikov* 2009, EKSMO, Moscow, P.17-256. (in Rus).
- Sherstova 2005 - Sherstova, LI 2005, *Tyurki i russkie v YUzhnoj Sibiri: etnopoliticheskie processy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka*, Izd-vo IAET SO RAN, Novosibirsk, 312 p. (in Rus).
- Sherstova 2014 - SHERstova, LI 2014, Rossiya i Kitaj: podhody k pereosmysleniyu polietnichnosti, *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. Vyp. VIII, Izd-vo Alt. un-ta, Barnaul, P.185-189. (in Rus).
- Shvecov 1900 - SHvecov, SP 1900, *Gornyj Altaj i ego naselenie*. T. 1, vyp. 1., Barnaul, 245 p. (in Rus).
- Vasil'ev 1987 - Vasil'ev, VI 1987, Vliyanie migracionnyh processov na etnicheskie sud'by zapadnosibirskoj lesostepi v konce I tys. do n.e. – nachale II tys. n.e., *Smeny kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri*, Izd-vo TGU, Tomsk, P.43-46. (in Rus).
- Verbickij 1893 - Verbickij, V 1893, *Altajskie inorodcy*, Moscow, 221 p. (in Rus).
- Vladimircov 1934 - Vladimircov, BYa 1934, *Obshchestvennyj stroj mongolov*, AN SSSR, Moscow-Leningrad, 233 p. (in Rus).
- Zalkind 2012 - Zalkind, EM 2012, *Ocherk genezisa feodalizma v kochevom obshchestve*, Izd-vo Alt. un-ta, Barnaul, 242 p. (in Rus).

Таулы Алтайдың түркілерге дейінгі халқы: самодийлік субстрат

Шерстова Людмила Ивановна

тарих ғылымдарының докторы, Томск мемлекеттік университетінің Отан тарихы кафедрасының профессоры. Ресей Федерациясы. 634034, Томск қ. Ленин даңғылы, 30. E-mail: sherstova 58@mail.ru.

Түйін. Мақалада Таулы Алтайдың түркілерге дейінгі халқының этникалық сәйкестендіру мәселесі қарастырылады. Этнонимдерді зерттеу негізінде солтүстік Алтайдың таулы-орманды зонасының этникалық қауымдастығы бөлігінің самодийліктерге жататындығы туралы қорытынды жасалады.
Түйін сөздер: Таулы Алтай; этнонимдер; самодийліктер, түріктендіру, солтүстік алтайлықтар.

Pre-Turkic population of Gorny Altai: the Samoyedic substrate

Sherstova Lyudmila Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Tomsk State University. Russian Federation 634034, Tomsk, 30, Lenin Avenue. E-mail: sherstova 58@mail.ru.

Abstract: The article presents the problem of ethnic identification of the pre-Turkic population of Gorny Altai. Based on the study of ethnonyms, it was concluded that the Samoyeds belonged to some part of ethnic communities of the mountainous-and-taiga zone in the Northern Altai. Their relationship with the Samoyedic population of the taiga zone of Western Siberia is emphasized.

Key words: Gorny Altai; ethnonyms; Samoyeds; turkification; Northern Altaians.